

Зачем? (Судей 3)

В Суд. 3 автор начинает нанизывать отдельные истории на нисходящую спираль, основные очертания которой были определены в главе 2. Все началось с того, что Израиль принял хананскую культуру, допустил смешанные браки с народом той земли и стал служить языческим богам (3:6).

ГОФОНИИЛ

Когда израильяне забыли своего Бога и стали служить Ваалам и Астартам, Бог разгневался и отдал их в руки царя, правившего в Арам Нахараиме. Как и в большинстве случаев, описанных в книге Судей, этот конфликт не коснулся всего израильского народа. Это была, скорее, пограничная война, преследовавшая только местные интересы. Арам Нахараим был городом-государством на северо-западе Месопотамии, стремившимся усилить свой контроль над южными соседями. Израильяне целых восемь лет находились под властью этого народа, прежде чем Бог послал Израилью их первого судью, правителя по имени Гофониил!

Гофониил, родственник Халева, стал судьей, когда “на нем был Дух Господень” (3:10). В данном случае под судьей подразумевается, главным образом, военачальник, в задачу которого входило изгнание израильских угнетателей. После того, как Гофониил одержал верх над царем Хусарсафемом, земля отдыхала срок лет.

АОД

Израиль, как свойственно человеческой натуре, не мог так долго терпеть мир, забыл Бога, вернулся на греховные пути той земли и снова вызвал Господний гнев (3:12). На этот раз Бог позволил им попасть под власть моавитян, народа, жившего на восточном побережье Мерт-

вого моря. Вместе с аммонитянами и амаликитянами Еглон, царь моавитский, напал на Израиль и овладел Иерихоном, городом Пальм. С этого форпоста он угнетал народ Израиля целых восемнадцать лет. Снова Израиль возопил к Господу об избавлении, и Он воздвигнул еще одного судью, чтобы тот освободил их. На этот раз это был Аод, левша из рода Иеминиева, который спрятал обоюдоострый меч под плащом у правого бедра. Аод был избран для передачи Еглону дани от Израиля, и он воспользовался этим, чтобы изгнать моавитян.

В Библии дважды говорится о том, что царь Еглон был тучным (3:17, 22), что в данном сюжете означает нечто большее, чем просто одна из подробностей описания внешности. При виде толстых люди думают о диетах, хлебе из отрубей, физических упражнениях и разгрузочных днях. Глядя на тучность Еглона, Аод видел нечто совершенно другое. Это, пожалуй, можно сравнить с тем, что говорит моя девятидесятилетняя бабушка, когда я прихожу навестить ее. Я вхожу в дверь, и она неизменно приветствует меня сияющей улыбкой и самым теплым объятием, какое только может быть на свете. Затем она отстраняется на вытянутую руку, оглядывает меня с ног до головы и почти всегда говорит: “Брюс, ты толстый, как поросенок!” Такого я не потерпел бы ни от кого, но на бабушку не обижаюсь. Я знаю, что она имеет в виду: “Ты хорошо выглядишь. Значит, ты хорошо питаешься и отдыхаешь, и непохоже, что в последнее время ты болел”. В ее понятии полнота – признак благополучия.

С подобным представлением о полноте я столкнулся несколько лет тому назад, когда моя семья жила в Кении, что в Восточной Африке. Однажды я спросил одного молодого человека о его знакомой, и он, отвечая, назвал ее “груз-

ной девушкой”. Не поняв, привлекательно это было в его глазах или нет, я спросил, что для него значит “толстый”. Он ответил: “О, это означает, что у ее родителей много денег”. И на этот раз полнота была признаком благополучия. Именно такими глазами Аод смотрел на Еглона. Его тучность была ему отвратительна, потому что в ней Аод видел нищету Израиля. Дети в его земле ходили голодными, чтобы накормить этого жирного моавитского царя. Восемнадцать лет он пировал за счет Израиля, и Аод решил: довольно!

Аод доставил Еглону дань в Иерихон точно так же, как это делали другие на протяжении восемнадцати лет. Затем он ушел. Отправив своих помощников домой, Аод вернулся в Иерихон и сказал царю Еглону: “У меня есть тайное слово до тебя, царь” (3:19). Заинтригованный, Еглон отослал своих приближенных вон из комнаты. “У меня есть до тебя слово Божие”, – продолжал Аод. Любопытный царь поднялся со своего места. Аод ловко выхватил левой рукой спрятанный меч и, прежде чем у царя мелькнула какая-либо мысль о вероломстве, Аод вонзил все, почти полуметровое, острие в необъятный живот монарха. В тексте ярко описывается, как “вошла за острием и рукоять, и тук закрыл острие” (3:22). Так как царь отослал слуг, Аоду удалось скрыться. Он запер дверь горницы и, прежде чем слуги обнаружили безжизненное тело Еглона, был уже за несколько миль от дворца. Полагая, что господин “для нужды в прохладной горнице”, стража долго не осмеливалась войти в его комнату. Их ожидание позволило Аоду сбежать в горную местность Ефрема. Добравшись туда, он тут же затрубил в трубу, что означало призыв судьи на битву, и собрал войско, чтобы обратить эту маленькую победу в большую. Благодаря замешательству в руководстве моавитян, вызванному убийством их царя, израильтяне сумели захватить переправу через Иордан, отрезав, таким образом, моавитянам путь к отступлению. В тот день они убили десять тысяч самых лучших моавитских воинов. Израиль был освобожден, “и покоилась земля восемьдесят лет” (3:30).

САМЕГАР

Третьим освободителем в главе 3 упоминается Самегар. Он спас Израиль от угрозы филистимлян, прибрежного народа, который постоянно беспокоил Израиль по юго-западным границам. Этот народ, который выступает на авансцену в дальнейших рассказах о Самсоне и Давиде, был как мучителем, так и искусителем Израиля. Самегар известен только своим геро-

ическим поступком, убив шестьсот филистимлян древком с металлическим наконечником, предназначенным для того, чтобы погонять воллов. Об этом говорится просто: “И он также спас Израиль” (3:31).

ОБУЧЕНИЕ И ВЫБОР

Несколько лет назад, когда я только планировал проповеди по книге Судей, некоторые из моих друзей задавали мне простой вопрос: “Зачем?” Зачем рассказывать все эти кровавые истории об интригах, убийствах и разрушениях? Зачем говорить о порой нечестивых персонажах, появляющихся в повествовании? Зачем в современной американской церкви тратить время на подробное изложение эпизодов древнего израильского кровопролития? Какой во всем этом смысл? На подобные вопросы, по крайней мере в этой главе, легко ответить, потому что в самом тексте дается четкое объяснение!

В начале главы 3 указаны два основания для дальнейших рассказов. Во-первых, Богу нужно было, “чтобы знали и учились войне последующие роды сынов Израилевых” (3:2). Эта земля обетованная была опасным местом, а израильтяне почти не имели опыта, который бы подготовил их к тому, что ждало впереди. До Моисея они были рабами, и даже теперь их военный опыт был весьма скудным. Битвы под началом Гофонила, Аода и Самегара готовили их к более серьезным сражениям в будущем. Божье обучение Израиля напоминает мне высказывание Макса Лукадо о том, как нас учит Бог: “Он может вести нас через бурю, когда нам тридцать, чтобы мы смогли выдержать ураган, когда нам будет шестьдесят”.

Вторым основанием для историй, изложенных в главе 3, является Божье испытание Израиля на верность, “повинуются ли они заповедям Господним” (3:4). Бог не только предоставил своему творению свободный нравственный выбор, но также определил им жить в мире, где можно было выбирать не только Бога. Есть один старый анекдот об Адаме и Еве в райском саду. Ева, которая, по-видимому, уже много дней не слышала слов “я люблю тебя” от Адама, наконец, спрашивает: “Адам, ты меня любишь?” Молчание. Она опять: “Адам, ты меня любишь?” Снова молчание. Наконец, она уже почти кричит: “Адам, ты меня любишь?” Адам поворачивается к ней и говорит с явным сарказмом в голосе: “А что, есть еще кто-нибудь?” У Адама не было выбора, но у Израиля он был. Бог хотел посмотреть, кого они выберут, Его или чужеземных богов.

ГОРАЗДО БОЛЬШАЯ ЗАБОТА

Приведенные в тексте два основания для трудностей, с которыми столкнулся Израиль, открывают нам глаза на то, что невероятно трудно рассмотреть в нашей собственной жизни, особенно сегодня. В этом помешанном на комфорте веке мы почти потеряли способность переносить боль. Книга Судей полезна тем, что напоминает нам: *Бог заботится о гораздо более важном, чем устранение от нас страданий*. Для многих это может звучать как ересь, но Писания учат, что это абсолютная истина. *Бог заботится о гораздо более важном, чем устранение от нас страданий; больше всего Бог заботится о спасении Своего народа*.

Волнует ли Бога наша боль? Несомненно! Ощущает ли Он нашу боль? Можете рассчитывать на это! Где же Он, когда нам больно? Он рядом, Он знает о каждой нашей ране и плачет каждой нашей слезинкой. Избавляет ли Он нас от наших страданий? Иногда. Иногда Он избавляет нас от боли, а иногда Он избавляет нас с помощью той же боли!

Что, если бы Бог не наказывал Израиль, посылая угнетателей, когда народ отворачивался от Господа? Вернулись бы они когда-нибудь? Наверное, нет. В них мы начинаем видеть, почему *Бог заботится о гораздо более важном, чем устранение от нас страданий; больше всего Бог заботится о спасении Своего народа*.

БОЖЬЕ НАКАЗАНИЕ ИЗ ЛЮБВИ

Автор новозаветного Послания к евреям развивает ту же мысль. В главе 11, “Зал славы героев веры”, он пишет: “И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффаве...” (Евр. 11:32). Это же перечисление судей! Взяв их за образец веры, он пишет о необходимости стойкости в страданиях, которую продемонстрировал Иисус, когда пошел на крест (Евр. 12:2). Затем, процитировав Прит. 3:11, 12, автор говорит слова, которые могли бы послужить примечанием к третьей главе книги Судей:

Евреям 12:7–11

Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы – незаконные дети, а не сыны. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись тех, то не

гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности.

Автор Послания к евреям не стремится объяснить все страдания и всю боль. Однако в этих стихах утверждается истина о том, что *Бог заботится о гораздо более важном, чем устранение от нас страданий; больше всего Бог заботится о спасении Своего народа*.

Как нам понимать эту сторону наших отношений с Богом? Всякая попытка проиллюстрировать эту истину будет грубой и прискорбно недостаточной, но рискну сравнить ее с ситуацией, когда младенца несут к врачу на прививку. Я испытал это, по крайней мере, с одной из наших дочерей (до того, как научился находить всевозможные отговорки, чтобы не участвовать в этом ужасном мероприятии). Это разрывающая сердце драма. Ребенка несут к врачу, и пока все в порядке. Не ожидая ничего плохого, ребенок улыбается и смеется без всякого страха. Медсестра вызывает ребенка по имени, и родители несут ее в кабинет для осмотра. Ребенок по-прежнему спокоен: мама и папа рядом, и все вокруг хорошо. Входит доктор, осматривает ребенка, назначает прививку и выходит из комнаты. (Что до уколов, то врачи такие же трусы, как и отцы!) Медсестра протирает пухленькую маленькую ножку малышки спиртом; дочурка все еще не испытывает никакого страха. Набирается лекарство, берется в руки ножка; ребенок все еще улыбается. Затем наступает роковой момент. Игла вонзается в нежное тельце, и улыбка сменяется потрясением, потрясение болью, а боль криком, который повергает всех находящихся в комнате ожидания в ужас. К этому времени в слезах уже не только ребенок. Отец, мать и медсестра – все плачут от сострадания к нему. Не знаю, что в этот момент думают малыши, но знаю наверняка, что я прочел в глазах моей дочери, наполненных слезами. Я видел взгляд, который молил: “Почему ты предал меня? Как ты мог причинить мне такую боль?” Самое тяжелое для родителей во всей ситуации – то, что невозможно объяснить, почему они это сделали. Ребенок еще не в состоянии понять, что на самом деле это акт любви, защищающий его от гораздо больших страда-

ний, которые могут принести с собой дифтерия, коклюш, столбняк, гепатит или менингит. Может быть, лет через десять-пятнадцать они поймут, но не в день прививки! Я так и вижу, как наш небесный Отец смотрит на эту маленькую сценку и тихонько шепчет: “Теперь ты знаешь, что Я чувствую, когда что-то причиняет тебе боль, дитя Мое”. Никакой человеческий язык не может передать Его намерения, и до полного понимания надо еще ждать и ждать.

Итак, значит, смысл страдания неоднозна-

чен. Иногда это зло, иногда трагедия, иногда смерть. Но иногда это еще и Божье наказание из любви к нам – когда Он, со слезами на глазах, вонзает иглу в наши души, зная, что пусть не сегодня, но все же когда-нибудь мы поймем, что это было сделано для нашего спасения! Уверенность в этом позволит нам сказать вместе с апостолом, который испытал так много страданий в своей жизни: “Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас” (8:18).*

Автор: Брюс МакЛарти
Из выпуска: “Книга Судей”
© 1999, 2003 ИСТИНА СЕГОДНЯ
перепечатка воспрещается